ВОЗРАЖДАЮЩІЙСЯ СЕВАСТОПОЛЬ

ПУТЕВЫЕ НАБРОСКИ.

„И будетъ слава втораго храма славнѣе перваго“.

Я видывалъ нашъ, пріобрѣтшій всемірную извѣстность, Севастополь до Крымской войны; нерѣдко бывалъ въ немъ, когда онъ представлялъ собою развалины и полную запустѣлость; потомъ лѣтъ семь не былъ въ немъ, и снова навѣстилъ многострадальный городъ лѣтомъ прошедшаго года. Глазамъ не вѣрилось при видѣ возраждающагося города, и еще болѣе не вѣрилось когда слышалъ что это возрожденіе съ особенною силой совершилось въ послѣдніе три года. Да и какъ возраждается этотъ славный по своему прошлому городъ? Навѣрное можно сказать: слава втораго города, то-есть возраждающагося, вновь созидаемаго, затмитъ славу перваго. Конечно, мы здѣсь на первый разъ имѣемъ въ виду внѣшнюю сторону; но развѣ можно хоть на минуту сомнѣваться что богатырская сила, доблестный духъ старыхъ Черноморцевъ-моряковъ не будетъ жить и въ моряхъ возраждающагося Черноморскаго флота? Смотря на раздвѣтающій многострадальный городъ, на начавшуюся въ немъ жизнь, мнѣ, да вѣроятно и многимъ другимъ, невольно припоминались слова Евангелія: „вы печальны будете, но

печаль ваша въ радость будетъ“. Печаль наша, конечно, слагалась изъ горевании о пролитой родной крови, о погибели нашего славнаго флота, о разрушеніи города, хотя и собственными своими руками разрушеннаго, о Парижскомъ трактатѣ, подвязавшемъ могучія крылья русскому орлу. Какъ ни тяжела была эта сложная печаль, но она умалялась при одной мысли: одиннадцатимѣсячная осада наскоро вооруженнаго города, пролитая кровь, потопленный флотъ, дымившіяся окровавленныя развалины города, напоминавшія собою Москву и другіе русскіе города и веси Двѣнадцатаго Года, это наша слава, это блестящая страница жизни Русскаго народа и нашихъ боевыхъ силъ. Но вотъ какого рода печаль трудно было подавить въ мятущемся сердцѣ: какъ могли мы допустить чтобы славный нашъ Севастополь болѣе четверти вѣка оставался въ развалинахъ, давая нашимъ врагамъ поводъ говорить при видѣ этихъ развалинъ что могуществу Россіи нанесенъ тяжкій ударъ, такъ какъ она не въ силахъ возстановить свой историческій городъ? Эта печаль таилась въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ русскаго сердца, — печаль о слабомъ сознаніи собственныхъ силъ, собственной славы. Но не въ обычаѣ ли у насъ становится уступать и принижаться? А если такъ, то печаль становится еще тяжелѣе.

Скажутъ: мы не могли приступить къ возсозданію Севастополя не возвративъ прежнихъ правъ въ Черномъ Морѣ. Правда ли это? Если теперь городъ возраждается словно волшебною силой, то не отъ того только что кладется основаніе Черноморскому флоту и что мы имѣемъ право строить крѣпости по всему принадлежащему намъ побережью Чернаго Моря. Еслибы мы, вмѣсто не малаго числа оказавшихся почти ненужными желѣзныхъ дорогъ, вскорѣ послѣ Крымской войны направили изъ нѣдръ Россіи рельсовый путь къ Севастополю, а къ этому пути прибавили бы хоть одну вѣтвь (на нее укажемъ ниже), то онъ возродился бы какъ фениксъ изъ своего пепла,—возродился бы не только для удовлетворенія нашей народной гордости, которая въ жизни царствъ и народовъ имѣетъ первенствующее значеніе, но и для развитія производительныхъ силъ на громадныхъ пространствахъ прилегающихъ къ этимъ дорогамъ, и для удержанія или поддержанія нашей хлѣбной торговли.

Послѣ Крымской войны мы обратили вниманіе на благодатный югъ Россіи; но позволю себѣ сказать что ходимъ „вокругъ да около“, служа болѣе личнымъ интересамъ нежели государственнымъ или народнымъ. Задумали соединить средину Русской земли съ ея южною окраиной желѣзными дорогами. Дѣло великое, первой государственной важности. Мы было избрали, впрочемъ прекрасную, Ѳеодосійскую бухту, забывъ о Севастополѣ съ превосходнѣйшею бухтой; но чѣмъ кончилось это дѣло? Бросили, какъ слышно, до 8 милл. руб., а съ ними и почти готовое полотно дороги на довольно почтенномъ протяженіи. Вмѣшавшіеся въ дѣло настояли на устройствѣ дороги къ Таганрогу у котораго рейдъ чуть ли не отстоитъ за 50 верстъ отъ берега. Была ли настоятельная нужда въ этой дорогѣ когда имѣлся превосходный Севастопольскій портъ? И можно ли послѣ этого жаловаться за упадокъ нашей хлѣбной торговли на европейскихъ рынкахъ когда чужеземные корабли должны были ходить за нашимъ хлѣбомъ въ Азовскіе порты, терпѣть аваріи, перегрузки, или чуть не полгода ждать когда это море со своими проливами освободится ото льда? Да, только при крайней близорукости можно было предпочесть Таганрогскую дорогу Севастопольской или построить Воронежско-Ростовскую, идущую о бокъ со сплавною рѣкой Дономъ. Отъ Балты мы потянули рельсовый путь къ Елисаветграду. Каюсь что я и самъ былъ когда-то за эту дорогу, но въ самое торжество открытія ея мнѣ привелось выслушать горькое сбывшееся предсказаніе,—выслушать отъ опытныхъ мѣстныхъ старожиловъ и негоціантовъ: „эта дорога бурьяномъ зарастетъ.“ Чтобъ избѣжать такой плачевной участи, мы потянули эту дорогу до Кременчуга и наткнулись здѣсь на милліонныя затраты, на мостъ на Днѣпрѣ. Какъ велика польза ото всѣхъ этихъ столь дорого стоившихъ сооруженій, теперь ни для кого не тайна, и ясно для каждаго что въ это время затратъ народной казны страдалецъ Севастополь лежалъ въ развалинахъ. Но едва ли мы не сдѣлали самаго громаднаго промаха, снова забывъ о Севастополѣ, сооруженіемъ Керченской крѣпости, на которую затратили не одинъ десятокъ милліоновъ рублей. Во время построенія этой грозной (?) твердыни, мѣстные знатоки края говорили что она воздвигается съ единственною цѣлію—дать развернуться стратегическому генію покойнаго графа Тотлебена, и прибавляли что

при нуждѣ нѣтъ ничего легче сдѣлать Керченскій проливъ непроходимымъ (собрать всѣ каботажки, насыпать ихъ камнемъ и погрузить), особливо при помощи минныхъ сооруженій, и что гораздо цѣлесообразнѣе было бы надѣлать нѣсколько десятковъ мелкихъ военныхъ судовъ на Азовскомъ морѣ (что не было намъ запрещено пресловутымъ Парижскимъ трактатомъ). И первое предположеніе совершенно вѣрно, и второе также. Если наши морскіе витязи могли на скорлупахъ держать въ страхѣ турецкій флотъ въ прошлую войну, то какихъ дѣлъ могла бы натворить цѣлая флотилія мелкихъ, совершенно приспособленныхъ, военныхъ посудинъ, разсыпавшись по лицу Понта Эвксинскаго? Да не подумаютъ что все это говорится только теперь; нѣтъ, такъ говорилось и при самомъ возникновеніи надѣланныхъ нами вышереченныхъ промаховъ. Вѣрно уже такъ на роду написано Русской землѣ что она любитъ жить заднимъ умомъ. А проявленій этого задняго русскаго ума не мало. Развѣ мы не заднимъ умомъ вразумились что въ построеніи нашихъ желѣзныхъ дорогъ, поглотившихъ милліарды, мы не руководились соображеніемъ государственныхъ или народныхъ нуждъ? Развѣ не считаемъ теперь ошибкой что позволили увлечь себя концессіонною горячкой, отдать наши государственные интересы въ жертву личной наживѣ, оставить дѣло, стоившее колоссальныхъ суммъ, почти безо всякаго надъ нимъ контроля правительственной власти? Развѣ теперь не ясно какъ Божій день что имѣя неистощимыя рудныя богатства и свои способныя и свободныя руки, мы всѣ заказы для желѣзныхъ дорогъ дѣлали въ чужихъ краяхъ, между тѣмъ какъ дѣло улучшенія нашихъ путей именно и должно бы начаться съ заводовъ для производства нужныхъ матеріаловъ? До Наполеона III механическое производство во Франціи было въ самомъ незавидномъ положеніи; большею частію разнаго рода механизмы выписывались изъ чужихъ краевъ и преимущественно изъ Англіи; но тяжелый тарифъ и другія принятыя мѣры въ самое короткое время повели къ устройству собственныхъ заводовъ, и Франція еще при жизни этого императора почти сравнялась въ механическихъ производствахъ съ Англіей и стала сама произведенія своихъ заводовъ отпускать въ чужіе края, въ томъ числѣ и въ Россію. Теперь и мы поняли что и рельсы, и локомотивы, и весь подвижной составъ, и пароходы, сами можемъ дѣлать

и дѣлаемъ; но за что ушли въ чужіе края наши милліоны? Зачѣмъ увеличили государственные долги чрезъ нашу повадку жить заднимъ умомъ?

Что Севастополь могъ давно возродиться еслибы вскорѣ послѣ Крымской войны соединили съ нимъ средину Россіи и прилегающія къ нему производительныя степныя пространства рельсовыми путями и взглянули бы на него какъ на торговый портъ, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Торговля его только что началась, но онъ уже сталъ отпускать до 800 тысячъ четвертей хлѣба. Примкните, говорятъ мѣстные знатоки края, къ Лозово-Севастопольской дорогѣ только одну вѣтвь, именно отъ станціи Еленовки на Харьковско-Таганрогской дорогѣ, и Севастопольскій портъ тотчасъ же при спросѣ станетъ отпускать три и болѣе милліона четвертей, то-есть дойдетъ до той нормы которая привела и Одессу въ цвѣтущее состояніе; ибо только въ послѣдніе годы она стала отпускать пять и болѣе милліоновъ четвертей. Правда, этою вѣтвію будетъ нанесенъ чувствительный ударъ Таганрогу, Бердянску и Маріуполю; но слѣдуетъ ли идти противъ самой природы вещей, искусственно поддерживать такіе порты которые чуть не на полгода бываютъ закрыты для торговли, и мыслимо ли для насъ возстановленіе нашей хлѣбной торговли при такихъ тяжелыхъ для нея условіяхъ? Тутъ никакіе элеваторы не помогутъ. Безпристрастныхъ судей-знатоковъ нашей южной окраины всегда удивляла забота въ высшихъ сферахъ объ этомъ мелководномъ озерѣ, которое должно имѣть одно назначеніе: служить питомникомъ нашего торговаго флота и школой для образованія русскихъ моряковъ. Увы! къ слову скажемъ, и существующій въ настоящее время каботажъ въ этомъ озерѣ находится большею частію въ рукахъ иностранцевъ, тотъ каботажъ который во времена князя М. С. Воронцова такъ быстро началъ было развиваться по сѣверному побережью Чернаго Моря и которому въ позднѣйшее время нанесло такой тяжкій ударъ Общество Пароходства и Торговли. Да, мы остаемся при томъ убѣжденіи что забота объ Азовскомъ морѣ не была строго и безпристрастно обдумана, и всѣ приспособленія (желѣзныя дороги, прочистка проливовъ, устройство портовъ и т. п.) съ цѣлью сдѣлать изъ него широкій торговый путь,—приспособленія на которыя издержаны и издерживаются громадныя суммы,—могли бы быть

до поры до времени отложены. Дайте только упомянутую нами вѣтвь желѣзной дороги, и Азовскіе порты зачахнутъ. Такова сила вещей. Но чего добраго, мы послушаемся досужихъ головъ проектирующихъ соединить каналомъ Азовское море съ Днѣпромъ или сдѣлать каналъ черезъ Перекопскій перешеекъ. Это будетъ одна изъ колоссальнѣйшихъ ошибокъ, на которыя мы такъ горазды. Изъ озера чуть не на полгода замерзающаго провести каналы такого же свойства, это болѣе чѣмъ смѣшно. Дѣльнѣе была мысль: соединить Атманай съ Ѳеодосіей желѣзною дорогой, которая потребовала бы, сравнительно, ничтожной суммы, но послужила бы къ болѣе удобному сбыту нашихъ приазовскихъ произведеній, усилила бы сбытъ нашего угля и повела бы къ развитію русскаго каботажа. Не имѣемъ дара пророчества, но думаемъ что многое изъ сказаннаго нами когда-нибудь осуществится.

Возвратимся однако къ Севастополю. Начнемъ съ перваго элемента необходимаго для жизни, съ воды, что, къ слову скажемъ, такъ слабо сознается нашею первопрестольною. Севастополь искони считался бѣднымъ водой, и не только онъ, но и окрестности его. Каково же было наше удивленіе когда мы увидѣли по возродившимся улицамъ краны съ прекрасною и притомъ даровою водой, правда, при продолжительной засухѣ въ лѣтніе мѣсяцы замѣтно оскудѣвающею; но полное обиліе воды въ Севастополѣ—вопросъ ближайшаго времени, ибо источники уже намѣчены. Вода проведена съ ближайшей къ городу возвышенности и оттуда самотекомъ разливается къ мѣстамъ потребленія, доходя до самой Графской пристани, гдѣ и служитъ для удовлетворенія жажды многому множеству народа; ибо здѣсь пристаютъ пароходы, отсюда отправляются на Сѣверную сторону, гдѣ между прочимъ устроены прекрасныя, отѣняемыя деревьями казармы для конницы. За водой слѣдуетъ другая потребность порядочной жизни—пути сообщенія. Главныя улицы, нѣкоторые переулки, пути ведущіе (ихъ два) къ вокзалу желѣзной дороги, вымощены кубиками изъ крымскаго діорита, и мостовая эта можетъ считаться лучшею изо всѣхъ видѣнныхъ нами даже въ чужихъ краяхъ. Тротуары широкіе, поѣзжай хоть на тройкѣ, и большею частію выложены плитами или цементированы. По улицамъ разсажены деревья, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже въ четыре ряда, или красавица-акація, или пальмовидный

айлантъ. Дома на обстроившихся улицахъ большею частію въ два и три этажа и, прибавимъ, очень хорошей архитектуры. Открыто множество магазиновъ, изъ которыхъ иные не уступятъ и столичнымъ; въ нихъ все можно купить по московскимъ цѣнамъ, а что привозится изъ Одессы или прямо моремъ изъ чужихъ краевъ—по болѣе дешевымъ цѣнамъ чѣмъ въ Москвѣ. Одно дорого, это ледъ, который имѣетъ такое значеніе въ жаркомъ климатѣ. Въ морозныя зимы имъ запасаются изъ Черной рѣчки, и пудъ его обходится до 10—12 коп.; но главнымъ образомъ ледъ идетъ изъ Александровска по желѣзной дорогѣ, и пудъ льда доходитъ до 25, 30 и 40 коп.; при недостаткѣ же изъ этого источника, привозятъ искусственный ледъ изъ Одессы, который обходится въ 80 и болѣе копѣекъ пудъ. Но что замѣчательно: при такой дороговизнѣ льда, именно когда платится за пудъ 80 к., прохладительные напитки (сельтерская вода, лимонадъ и т. п.) и разнаго рода мороженое, въ Севастополѣ же и приготовляемые, продаются по болѣе дешевымъ цѣнамъ чѣмъ въ Москвѣ; да и едва ли въ первопрестольной столицѣ много такихъ чистенькихъ, съ такимъ вкусомъ меблированныхъ кондитерскихъ какъ въ возраждающемся Севастополѣ. Обстроенныя улицы содержатся въ примѣрной чистотѣ и поливаются. Нѣкоторыя части города уже совершенно обстроились, даже въ большихъ размѣрахъ и лучшими противъ прежняго домами. Прежде другихъ послѣ разгрома обстроилась Артиллерійская слободка, благодаря дешевизнѣ мѣстъ на этой окраинѣ города. Занимая полугорье и состоя изъ чистенькихъ домиковъ, среди которыхъ есть и двухъэтажные, эта часть города производитъ самое отрадное впечатлѣніе, и притомъ здѣсь множество разсажено древесной зелени; есть фруктовые и виноградные садики. И въ цвѣтущее время Севастополя эта часть его не была такъ обстроена, а древесной зелени почти и вовсе здѣсь не было. Скажемъ къ слову: въ прежнія времена Севастополь вообще былъ бѣденъ древесными насажденіями; теперь же онъ чуть не заросъ ими. Дивный по своей неприхотливости, айлантъ (Ailantus glandulosa), иначе называемый китайскій ясень, на свободѣ разбросалъ свои сѣмена среди развалинъ, и теперь изъ посѣва образовались деревья до четверти въ отрубѣ и до 4—5 саж. высоты. Но этого мало. Айлантъ имѣетъ удивительную способность пускать корневыя поросли, такъ что можетъ самъ

собою, безо всякой помощи, занять облюбованное имъ мѣсто. Благодаря этому свойству, нѣкоторые изъ пустырей густо заросли этою драгоцѣнною древесною породой южнѣйшей полосы Россіи. Родомъ айлантъ изъ Японіи, гдѣ онъ достигаетъ 40—60 фут. высоты; но и на югѣ Россіи приводилось намъ видѣть деревья въ 30—50 фут. при семивершковой толщинѣ ствола. Другою совершенно обстроившеюся частью, также занимающею окраину города, можно считать Корабельную слободку, состоящую изъ уютненькихъ домиковъ, притѣняемыхъ деревьями.

Въ центральномъ округѣ города есть еще немало развалинъ, впрочемъ благодаря айланту не производящихъ тяжелаго впечатлѣнія; но за то почти окончена постройками такъ-называемая Большая Морская, состоящая изъ очень красивыхъ домовъ съ прекрасными магазинами, кондитерскими, ресторанами. Ниже ея идутъ цѣлые ряды одноэтажныхъ лавокъ, частію уже выстроенныхъ, а частію отстраиваемыхъ городскою думой. И здѣсь мощеныя дороги и широкіе гладкіе тротуары. Честь и слава тебѣ, Севастопольская дума! По всему видно что ты умный и радѣтельный хозяинъ города. Еще ниже, при такъ-называемой Артиллерійской бухтѣ также идетъ сплошной рядъ вновь выстроенныхъ, большею частію двухъ или трехъэтажныхъ домовъ съ магазинами, ресторанами и т. п. Въ одномъ изъ этихъ домовъ въ нижнемъ этажѣ устроенъ цѣлый рядъ очень чистенькихъ комнатъ съ передними и одною общею большою залой. Комнаты эти служатъ для ваннъ, гдѣ можно получать воду какой угодно температуры и притомъ или прѣсную, или морскую. Какое удобство для пріѣзжающихъ сюда купаться! Этого не имѣютъ ни Ѳеодосія, ни Евпаторія, славящіяся своими купальнями. Но ихъ, впрочемъ, заслуженную славу едва ли не затмитъ Севастополь. Его купанье уже начало входить въ извѣстность, которая съ каждымъ годомъ будетъ увеличиваться, и не безъ основанія. Дѣло вотъ въ чемъ:

Вода въ Севастопольской бухтѣ или, правильнѣе, въ ближайшей части къ выходу изъ нея, также прозрачна какъ и въ бухтахъ помянутыхъ городовъ, но никогда по каменистости береговъ не принимаетъ отъ вѣтровъ и дождей грязнаго вида. Это вопервыхъ, а вовторыхъ, она богаче солями какъ вода бухты; но самое главное, здѣсь температура воды не подвергается большимъ колебаніямъ,

что для купающихся имѣетъ очень важное значеніе. Прошедшимъ лѣтомъ, въ послѣдней половинѣ іюня, въ Одессѣ (на дачѣ Ланжеронъ) вода падала до 11° Р., такъ что нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ туда купаться явились для этой цѣли въ Севастополь; въ Ѳеодосіи въ это же время температура воды спускалась до 13°; но въ Севастополѣ, именно тамъ гдѣ находится купальня, то-есть не далеко отъ выхода изъ бухты въ море, а не во глубинѣ ея, гдѣ температура ея постояннѣе, термометръ во всѣ лѣтніе мѣсяцы держался между 18 и 22°. Нельзя не признать что это постоянство температуры имѣетъ большое значеніе. А если присовокупить что и теперь въ Севастополѣ есть три очень большія гостиницы, безукоризненно чисто содержимыя, не мало меблированныхъ комнатъ, есть очень хорошіе рестораны съ болѣе дешевыми блюдами чѣмъ въ Москвѣ, есть кофейни или кондитерскія, гдѣ все продается по очень умѣреннымъ цѣнамъ; фруктовъ, арбузовъ, дынь и т. п. въ волю, и они продаются гораздо ниже варварскихъ цѣнъ на нихъ въ разсадникѣ фруктовъ и винограда, Ялтѣ; то, сообразивъ все это, не можемъ не согласиться что въ Севастополѣ съ каждымъ годомъ будетъ увеличиваться приливъ чающихъ движенія цѣлительной морской воды. Въ настоящее время имѣется одна общественная купальня близь Графской пристани и въ недальнемъ разстояніи отъ главныхъ гостиницъ. Она устроена со всѣми желательными удобствами, раздѣлена на двѣ половины, мужскую и женскую, и для каждаго купающагося есть особое отдѣленіе; есть съ различными назначеніями души. Сказывали что эта купальня обошлась владѣльцу ея до 12.000 руб. Правда, ни въ этой купальнѣ, ни въ другихъ мѣстахъ Севастопольской бухты или прилегающаго къ нему моря вы не найдете того бархатистаго песку какъ въ Ѳеодосіи; но въ помянутой купальнѣ также дно посыпано пескомъ, который хотя и не мелокъ, но и не рѣжетъ ногъ. Севастопольцы со своимъ образованнымъ и энергическимъ головой прекрасно понимаютъ что для порядочной жизни необходимы извѣстнаго рода удобства, соединенныя съ удовольствіями жизни, а главное, возможно лучшія гигіеническія условія, и въ этомъ стоило бы поучиться у нихъ нашимъ Москвичамъ. Кто хоть разъ бывалъ въ Севастополѣ, тотъ конечно знаетъ что такое Графская пристань. Это одно изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ.

Прямо по выходѣ изъ портика этой пристани, черезъ дорогу, идущую по Екатерининской улицѣ къ вокзалу желѣзной дороги, теперь разбитъ небольшой скверъ, съ насажденными въ немъ кустарниками и цвѣтущими растеніями: онъ обнесенъ желѣзною рѣшеткой; по временамъ бьетъ въ срединѣ его очень красивенькій фонтанъ. По-московски быть бы здѣсь какому-нибудь магазину или лавкѣ въ родѣ имѣющихся въ Охотномъ Ряду. Налѣво отъ этого сквера стоитъ, вскорѣ послѣ разгрома построенная, гостиница Ветцеля, и до сихъ поръ по чистотѣ содержанія и хорошей рестораціи не потерявшая заслуженнаго почета; а за этою гостиницей, по направленію Большой приморской улицы, служа, такъ сказать, началомъ ея, разбитъ на нѣсколькихъ десятинахъ (думаемъ, на трехъ или около того) паркъ, который съ другой стороны граничитъ прямо съ моремъ. Казалось бы, можно ли такое выгодное и бойкое мѣсто уступить подъ насажденіе зелени, для какого-нибудь праздношатанія? Воистину мѣсто это дорогое; на него можно смотрѣть какъ на узелъ связующій море съ сушей или бухту съ городомъ: могли бы здѣсь выстроиться и склады для товаровъ, и гостиницы, и частные дома, для которыхъ близость къ морю имѣетъ особую прелесть. Но не такъ посмотрѣли на это дѣло „хитроумные" Севастопольцы: у насъ де для частныхъ домовъ мѣстъ много, а торговля, если ее только не насилуютъ или не тормозятъ, вездѣ найдетъ себѣ дорогу и мѣста для своихъ складовъ. И представляютъ они въ примѣръ Лондонъ съ его четырехъ-милліоннымъ населеніемъ, съ его міровымъ торжищемъ, Лондонъ, съ его громадными парками. Припоминается разсказъ, едва ли гдѣ записанный, но содержащій въ себѣ сущую правду. Однажды владыкѣ-митрополиту Филарету предложили перевести съ Никольской улицы Синодальную типографію въ другое мѣсто, а мѣсто подъ нею какъ бойкое въ торговомъ отношеніи уступить. На это предложеніе архипастырь-мудрецъ отвѣтилъ слѣдующими присноламятными словами: „Мѣсто подъ церковію Василія Блаженнаго еще бойчѣе". Умноженіе зелени среди городовъ, открытыя мѣста съ болѣе чистымъ воздухомъ для прогулокъ и отдохновенія, въ настоящее время, когда наука указала эту насущную потребность жизни, созидаются всѣми истинно-образованными жителями городовъ. Москвичи должны быть глубокоблагодарны своимъ дѣдамъ за бульвары и за тѣ рощицы и лѣски внутри города и на окраинахъ его,

которыхъ еще не коснулась корыстная разчетливость. Но нельзя не поставить Москвичамъ въ укоръ что они проложили широчайшую дорогу по набережной Москвы рѣки отъ Москворѣцкаго моста, мимо Кремля и далѣе за Храмъ Христа Спасителя. По этой дорогѣ, какъ опытъ показываетъ, ѣзда самая незначительная, и не въ тысячу ли разъ было бы лучше кремлевскіе сады протянуть до самой рѣки и обогнуть ими помянутый нами храмъ? Какое прекрасное было бы мѣсто для прогулки и отдохновеній, особливо трудовому народу, не выѣзжающему на загородныя дачи. Да кромѣ того съ этой громадной площади, то-есть съ широчайшей дороги по набережной, дороги никогда не поливаемой, поднимаются тучи пыли, и вся она нерѣдко несется въ священные соборы Кремля, въ царское жилище, въ дивный памятникъ нашей славы, Храмъ Христа Спасителя. Нѣтъ, „хитроумные" Севастопольцы, навѣрное, такъ не поступили бы. Да и немудрено: изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ узналъ я что тамъ при сужденіи о пользахъ и нуждахъ города не берутся въ разчетъ ни кумовство, ни свойство, ни теплыя мѣстечки; голова у Севастопольцевъ умница, всею душой желаетъ добра возраждающемуся городу; его слушаются, ему вѣрятъ; ораторствомъ языковъ не чешутъ, и дѣла идутъ на славу, на что мы приведемъ и другія доказательства. И вотъ первое изъ нихъ. Севастопольцы сдѣлали заемъ въ Государственной казнѣ на постройку хлѣбныхъ магазиновъ; выстроили ихъ съ возможною экономіей, но прочно и сообразно съ назначеніемъ; магазины постоянно заняты; городъ исправно уплачиваетъ проценты съ погашеніемъ и отчисляетъ, какъ чистую прибыль, въ пользу города до двадцати тысячъ рублей.

Есть у Москвичей подобный примѣръ? Какъ же, есть очень близко подходящій. Повѣствуютъ что „для зданій и сооруженій приносящихъ доходу 28.966 руб. 58 коп. требуется надзоръ стоящій 24.641 руб., такимъ образомъ чистаго дохода остается 4.323 руб., который за нѣкоторыми расходами превращаются въ ничто". Въ возраждающемся городѣ юная кровь; она еще не пролитана осложнившимися, застарѣлыми, тлетворными міазмами, или бациллами, и постоянно освѣжается вѣяніемъ цѣлительнаго морскаго воздуха. Море, вѣчно живое, имѣетъ неотразимое вліяніе на человѣка, нудя и будя его духовно-нравственныя силы. Будь оно при Москвѣ и навѣрное будило бы ее на живую жизнь. Это такъ, но и

не такъ. Когда припомнишь „собирателей Русской земли", которые ковали великое Русское царство, то невольно убѣждаешься что можно вести городское хозяйство и внѣ вліянія могучей морской стихіи. Вотъ еще примѣръ изъ жизни Севастопольцевъ весьма поучительный. Севастопольцы видятъ что многіе, владѣя развалинами и накупивъ мѣста съ цѣлью продать ихъ по выгоднымъ цѣнамъ, и не строятся и не продаютъ этихъ мѣстъ, въ ожиданіи дорогихъ покупщиковъ. Что же дѣлаетъ городъ? О, варварство! облагаетъ владѣльцевъ этихъ мѣстъ и развалинъ довольно чувствительными налогами, что, какъ показываетъ опытъ, и ускоряетъ возобновленіе города. Другой примѣръ. На значительной части, нынѣ такъ прекрасно обстроившейся, Большой Морской улицы долгое время существовали и притомъ въ самомъ безпорядочномъ видѣ оставшіеся послѣ „союзниковъ" Крымской войны и перенесенные сюда деревянные бараки и вѣроятно безобразили бы улицу и поднесь. Но варварское городское управленіе, находящееся подъ напіемъ сосѣдственныхъ Азіи и Стамбула, гдѣ, какъ извѣстно, свирѣпствуетъ самый грубый деспотизмъ, назначило срокъ для сломки этихъ бараковъ, и теперь на мѣстѣ ихъ прекрасныя каменныя зданія и разбитъ упомянутый нами паркъ. Можно бы эти два поучительные примѣра принять къ свѣдѣнію и исполненію нашимъ Москвичамъ, 16 лѣтъ толкующимъ о перестройкѣ „Рядовъ" и убійственныхъ для здоровья, и грозящихъ опасностью жизни, и еще болѣе грозныхъ въ случаѣ пожара.

Обратимся снова къ примѣрамъ Севастопольцевъ какъ болѣе поучительнымъ. Москва вѣчно мостится и нѣкоторыя улицы ежегодно ремонтируются,—и кому неизвѣстно что мостовыя ея далеко не безукоризненны, а мѣстами и отвратительны? Хитроумные Севастопольцы иначе разсудили: займемъ деньги, сдѣлаемъ разъ да надолго и хорошо, останемся въ прибыли, — и сдѣлали уже немало, и будутъ дѣлать; и конечно надъ ихъ дѣланіемъ оправдается поговорка взятая изъ опыта вѣковъ: „дорого да мило, дешево да гнило". Нѣтъ, какъ угодно, но воистину море имѣетъ неотразимое вліяніе на человѣческую жизнь. Посмотрите, какою красавицей сдѣлалась Одесса среди русскихъ городовъ, да и русскихъ ли однихъ? И воды въ ней вволю, и мостовыя прекрасныя, и всѣ улицы украшены

деревьями и поливаются, и вся нечисть стекаетъ подземными трубами, и чистота даже на дворахъ завелась невѣдомая старушкѣ Москвѣ. А давно ли, кажется, была и Одесса похожа на Москву, то-есть нельзя было идти по улицамъ не зажимая носа? Давно ли вязли тамъ въ невылазной грязи, а лѣтомъ задыхались отъ удушающей пыли? Давно ли хорошая вода въ Одессѣ была достояніемъ людей только богатыхъ? Море—моремъ; но что̀ бы оно могло сдѣлать тамъ гдѣ господствуетъ узкій эгоизмъ со своимъ разнузданнымъ произволомъ? Одесса, возраждающійся Севастополь, а отчасти и Керчь могутъ быть поучительными примѣрами для Москвы. Ну не стыдъ ли для нашей старушки, умѣющей впрочемъ рядиться въ блонды и цвѣтныя ленты, что у ней даже площадь священнаго Кремля хуже чѣмъ любой переулокъ въ Одессѣ и даже въ многострадальномъ Севастополѣ? Не стыдъ ли что эта̀ площадь едва ли когда подметается и положительно никогда не поливается (что нужно было бы хоть для сохраненія Кремлевскихъ святынь), тогда какъ въ лѣтнее время путь въ Сокольники, отъ самыхъ Красныхъ Воротъ, съ утра до вечера обильно орошается, конечно для ѣдущихъ въ торговыя конторы? Да что площадь! Каковъ подъѣздъ къ царскимъ чертогамъ? Можетъ ли онъ идти въ какое-нибудь сравненіе съ мостовой Севастополя протянувшеюся въ какіе-нибудь два года на десять или болѣе верстъ.

До разгрома главною улицей въ Севастополѣ была Екатерининская, начинающаяся отъ Графской пристани и идущая о край главнаго рукава бухты; въ настоящее время эта улица, вся уже вымощенная кубиками, есть кратчайшій (однако едва ли не въ четыре версты) путь отъ пристани къ вокзалу желѣзной дороги. На этой улицѣ также много построено домовъ и притомъ очень почтенныхъ размѣровъ; но есть и немало развалинъ заросшихъ айлантомъ. Надо полагать что эта улица еще не такъ скоро обстроится какъ Большая Морская. Дѣло въ томъ что она считается и должна считаться лучшею; а потому мѣста на ней дорогія, владѣльцы же ихъ люди со средствами и не потяготятся думскими налогами. Впрочемъ, прекрасная мостовая, широкіе гладкіе тротуары, двѣ церкви, двѣ очень хорошія гостиницы, кратчайшій путь отъ пристани къ вокзалу, близость къ бухтѣ, вѣроятно вызовутъ охотниковъ продолжать здѣсь постройки, такъ счастливо и быстро идущія. Помнить надобно что Севастополь одно изъ здоровыхъ мѣстъ; здѣсь стали селиться

старики которымъ хочется пожить лишній десятокъ лѣтъ; они благословляютъ судьбу направившую ихъ сюда. На Екатерининской улицѣ помѣщается и Севастопольской музей, памятникъ вѣчной славы графа Тотлебена. Небольшой дворикъ при этомъ очень красивомъ домѣ весь окутанъ въ яркую зелень древесной и кустарной листвы: здѣсь такъ хорошо, такъ свѣжо и легко дышется что и не вышелъ бы отсюда. Внутри зданія немного собрано отъ достопамятной войны, и едва ли здѣсь не преобладаютъ различныя картинки, къ сожалѣнію почти всѣ иностранныя, съ надписями на французскомъ или англійскомъ языкахъ, т.-е. большинству Русскихъ непонятныя.

Краса Севастополя—его бульваръ, существовавшій и до разгрома. Онъ занимаетъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, средину города и притомъ почти самую возвышенную часть его. Видъ отсюда воистину очаровательный: съ одной стороны синѣющіе въ тепловатой дымкѣ увалы Крымскихъ горъ, а съ другой вся знаменитая, теперь очень оживленная, бухта со всѣми своими развѣтвленіями и весь изумрудъ Понта Эвксинскаго. Благодаря полуостровному положенію Севастополя и возвышенности занимаемой бульваромъ, здѣсь въ самую сильную жару чувствуется невыразимо пріятное вѣяніе морскаго воздуха. Дорожки содержатся въ желаемой чистотѣ; зелень подсаживается, хотя воистину „варварскій" лицій (Lycium barbarum, кустарникъ) одолѣваетъ здѣшнюю растительность, а нѣкоторыми мѣстами и совершенно завладѣлъ. Вообще скажу что бульваръ этотъ еще дожидается энергическихъ рукъ. Теперь на немъ довольно приличное лѣтнее помѣщеніе клуба, есть ресторанъ; по вечерамъ играетъ военная музыка. Замѣчательно уцѣлѣлъ памятникъ Козарскому; кажется, его не коснулась и шальная вражеская пуля, да и какъ она посмѣла бы, когда не коснулась и святотатственная рука самихъ враговъ, что подтверждается уцѣлѣвшими на памятникѣ украшеніями и висящимъ надъ нимъ ботикомъ (металлическими). Враги наши тащили все что могли. Такъ они увезли съ собою двѣ мраморныя статуи апостоловъ Петра и Павла, стоявшія въ нишахъ Петропавловскаго собора; увезли отсюда колокола, которые и перелили въ Балаклавѣ на кольца, украсившія воровскіе персты отъ солдата до генерала, и на собачьи ошейники, равно украсившіе ихъ собакъ. Изъ сего, почтенный читатель, вы можете заклю-

чить что Французы (а съ ними и „великіе мореплаватели“) и въ пятидесятыхъ годахъ были тѣ же что и въ достославный для насъ Двѣнадцатый Годъ. Удивительно также какъ могли уцѣлѣть отъ похищенія очень хорошія мраморныя статуи украшающія портикъ Графской пристани, когда враги наши повезли съ собой гранитъ изъ разрушенныхъ ими доковъ. Разставаясь съ очаровательнымъ бульваромъ, не могу не сказать что предупредительная городская дума и здѣсь поставила кранъ съ водой. Какое удобство для гуляющихъ, особливо изъ бѣднаго класса! Но не могу при настоящемъ случаѣ умолчать о нашей народной невоспитанности. Заботливая дума къ каждому крану прикрѣпила на желѣзныхъ цѣпочкахъ желѣзныя кружки: пейте де, любезные, сколько душѣ угодно. Но эти любезные поворовали и цѣпочки, и кружки, и теперь или льютъ изъ черепка брошеннаго сюда благотворительною рукой, или прямо подставляютъ ротъ подъ кранъ, причемъ конечно и омываютъ свои воровскія лица, и пропадаетъ многое множество воды, что невольно напоминаетъ варварскій обычай наливать воду изъ Московскихъ бассейновъ въ бочки лейками. По моимъ соображеніямъ Москвичи при этомъ способѣ по крайней мѣрѣ десятую часть теряютъ изъ своихъ скудныхъ запасовъ воды. Воровство вообще мерзко; но воровать то что служитъ для удовлетворенія насущнѣйшей потребности ближнихъ, ниже всякой мерзости. Въ этомъ отношеніи даже Турки и Молдаване благовоспитаннѣе русскихъ воровъ и воришекъ. Путешествуя когда-то по Бессарабіи, я былъ удивленъ когда увидѣлъ разнаго рода посуды оставленныя при колодцахъ. „Неужели ихъ не крадутъ?“ спросилъ я.—„И примѣра такого не было“, отвѣчали мнѣ. Надо замѣтить что обычай устраивать колодцы перешелъ къ Молдаванамъ отъ Турокъ, которые устраиваютъ ихъ на поминъ души своихъ предковъ.

Самую возвышенную (кажется, такъ) точку города, по продолженію бульвара, занимаетъ соборъ надъ прахомъ незабвенныхъ нашихъ героевъ-адмираловъ. Это зданіе, въ строго-византійскомъ стилѣ, отличается необыкновенною стройностію всѣхъ частей и есть произведеніе одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ архитекторовъ, скончавшагося на дняхъ А. А. Авдѣева. Снаружи храмъ совершенно готовъ; нижняя церковь, гдѣ гробницы адмираловъ, прикрытыя въ видѣ огромнаго креста мраморными плитами присѣняемыми прекраснымъ большимъ паникадиломъ (тоже въ строго-византійскомъ стилѣ),

уже освящена; но верхній ярусъ храма, котораго куполъ поддерживается четырьмя мраморными колоннами, еще отдѣлывается и частію поправляется то что уже было сдѣлано. Здѣсь, какъ и во храмѣ на Братской усыпальницѣ (на Сѣверной сторонѣ), не приняли въ разчетъ зимнихъ морозовъ и морской сырости; сдѣлали оба эти храма холодными, и вотъ та дивная живопись и золотыя стѣнныя украшенія, которыми нельзя было не восторгаться въ кладбищенскомъ храмѣ вскорѣ послѣ его освященія, совершенно потускнѣли, облѣзли и представляютъ жалкую картину, болѣзненно сжимающую православно-русское сердце. Хорошо еще что эта горькая доля не ожидаетъ храма надъ купелью Св. Владиміра въ Херсонесѣ. Здѣсь для живописи стѣны имѣютъ особую, состоящую изъ цемента оболочку, какъ это сдѣлано и въ храмѣ Христа Спасителя. Кстати скажемъ что Херсонесскій храмъ долженъ быть причисленъ къ самымъ величественнымъ храмамъ Русской земли; снаружи онъ также готовъ, но ко внутренней отдѣлкѣ еще не приступали, какъ въ нижнемъ ярусѣ, гдѣ находится купель Св. Владиміра, такъ и въ верхнемъ поражающемъ своею открытостію и обиліемъ свѣта. Когда начнется отдѣлка—Богъ вѣсть...

Въ Севастополѣ со слободками, если не ошибаемся, пять церквей, но двѣ изъ нихъ мало похожи на храмы, бѣдны по строенію и тѣсны. Замѣна ихъ лучшими—вопросъ, думаемъ, недалекаго будущаго. Но вотъ что слѣдовало бы поскорѣе возобновить, это такъ-называемый Петропавловскій соборъ, хотя и напоминающій собою извѣстный храмъ Тезея, при самой строгой выдержанности стиля. Уповаемъ что этотъ счастливый жребій предназначенъ преосвященному Алексію, достойному преемнику достойнѣйшаго архипастыря Гурія, который построеніемъ множества церквей въ Таврической епархіи оставилъ по себѣ вѣчную память. Дивная судьба Петропавловскаго собора, а потому въ особенности и желательно возобновленіе его. Нѣкогда на мѣстѣ этого храма стоялъ убогій, полудеревянный и полукаменный храмъ также во имя верховныхъ апостоловъ. Въ 1837 году императоръ Николай Павловичъ ѣхалъ со своею августѣйшею супругой мимо этого убогаго храма въ Георгіевскій монастырь, и въ глазахъ ихъ неизвѣстно отъ какой причины этотъ домъ молитвы развалился. Это я слышалъ отъ стараго моряка высшаго ранга; но другіе разказываютъ что августѣйшіе гости Севастополя были въ этомъ храмѣ,

и онъ рушился по выходѣ ихъ изъ него, вслѣдствіе сотрясенія произведеннаго стеченіемъ народа. Какъ бы то ни было, но вѣрно что храмъ разрушился на глазахъ императора, который тутъ же обратился къ своей августѣйшей спутницѣ со словами: „Самъ Богъ указываетъ намъ построить здѣсь св. церковь“, на которую и повелѣлъ отпустить изъ собственной казны 20.000 р. Однако по составленному плану, очень понравившемуся государю, этихъ денегъ было мало и остальную сумму выдали изъ государственной казны. Говорятъ что храмъ обошелся въ 400.000 р. ассигнаціями. Дорого? Но мало ли что въ Севастополѣ строилось въ прежнія времена не дешево! Храмъ былъ освященъ въ 1843 году преосвященнымъ Гавріиломъ и вмѣщалъ въ себѣ до 800 человѣкъ. Дивное дѣло: занимая одну изъ возвышенныхъ точекъ и обстрѣливаемый чуть не со всего полукружія непріятельскихъ батарей, онъ почти не былъ поврежденъ ядрами; слѣды ихъ весьма немногочисленны; стѣны и колонны и до сихъ поръ стоятъ, хотя время и кладетъ на нихъ свою тяжелую руку, которая съ каждымъ годомъ становится все тяжелѣе. Чѣмъ дальше будетъ отлагаться возобновленіе этого величаваго, драгоцѣннаго памятника минувшей славы нашихъ моряковъ, тѣмъ дороже оно обойдется. Назадъ тому лѣтъ десять, одинъ инженеръ брался возобновить этотъ храмъ за 35.000 руб., теперь считаютъ что потребуется не менѣе 75.000 р., а пройдетъ еще года два-три и все рухнетъ, хотя храмъ былъ прочно построенъ.

Всякій истинно-русскій человѣкъ посѣщающій Севастополь долгомъ ставитъ себѣ побывать на тѣхъ мѣстахъ гдѣ дрались русскіе богатыри со своими врагами и лилась родная кровь. Посѣтимъ, читатель, и мы эти мѣста. Въ газетахъ не разъ было говорено объ устройствѣ такъ-называемаго Севастопольскаго или Историческаго бульвара который прошелъ бы чрезъ всѣ главные наши боевые пункты. Мысль эта принадлежала доблестному защитнику Севастополя, покойному графу Тотлебену. Исполнится ли она когда-нибудь сказать трудно; но на первый разъ вотъ что̀ сдѣлано. Четвертый бастіонъ, о который столько разъ сокрушались силы вражьи и оставшійся не взятымъ ими, въ настоящее время весь покрытъ древесною и кустарною зеленью, среди которой идутъ въ различныхъ направленіяхъ чисто содержимыя дорожки. Издали это довольно обширное мѣсто представляется отраднымъ оазисомъ. Считая себя свѣдущимъ въ южно-русской

лѣсной растительности, я могу засвидѣтельствовать что всѣ породы деревьевъ и кустарниковъ подобраны соотвѣтственно почвѣ и климату, и всѣ насажденія растутъ довольно хорошо, особливо хвойныя. На послѣднія можно бы обратить особенное вниманіе какъ на породы болѣе выносливыя. По моему мнѣнію, нужно постепенно подсаживать среди растущихъ лиственныхъ породъ сосну, можжевельникъ, туйю, какъ это дѣлается на возвышенностяхъ близь Штутгарта, гдѣ сначала садятъ акацію, а потомъ среди ея сосну, послѣ— первую вырубаютъ, и такимъ образомъ остается одна сосна, изъ которой телерь и образовались цѣлыя рощи или лѣски. Сказывали мнѣ что превращеніе 4го бастіона въ бульваръ обошлось свыше 20 тысячъ рублей. Этою же древесно-кустарною зеленью одѣваютъ въ настоящее время и славный Малаховъ курганъ, положившій конецъ безсмертному геройству русскихъ воиновъ. Какъ-то особенно бьется сердце когда входишь на этотъ холмъ, рѣзко выдѣляющійся изъ окрестной холмистости, а взойдешь на него, невольно скажешь: такъ вотъ гдѣ положенъ конецъ безпримѣрному въ исторіи мужеству русскихъ богатырей! вотъ оплотъ, остановившій потоки человѣческой крови! Вотъ гдѣ принесена послѣдняя жертва во имя любви къ ближнему! Стража этой святыни (изъ инвалидовъ, для которыхъ, замѣчу, выстроено очень хорошее помѣщеніе) укажетъ вамъ плиты положенныя на тѣхъ мѣстахъ гдѣ вражьи пули сразили нашихъ незабвенныхъ героевъ-адмираловъ. Меня сопровождалъ инвалидъ который могъ разказать всѣ подступы враговъ къ этому ненавистному для нихъ кургану; въ заключеніе, въ порывѣ ли испытаннаго на себѣ и своихъ товарищахъ мужества, по чувству ли благородной гордости, старикъ сказалъ: „никогда бы имъ не взять Малахова кургана еслибы не ринулись въ такую пору когда ихъ никто не ожидаяъ, и мы сбросили бы непрошеныхъ гостей еслибы не перехитрило начальство: оставили проходъ узенькій, и помощи нельзя было подать“. И этотъ приснопамятный курганъ начали одѣвать лѣсною зеленью, но здѣсь, кажется, дѣло пойдетъ труднѣе чѣмъ на четвертомъ бастіонѣ, такъ какъ покатости кургана круче и со всѣхъ сторонъ охватываются вѣтромъ, такъ сильно изсушающимъ почву. Но вотъ что пришло намъ на мысль, смотря на лѣсныя насажденія въ этихъ мѣстахъ, и мысль нашу раздѣляли многіе изъ Севастопольцевъ и оставшихся инвалидовъ: не лучше ли было бы одѣть ихъ

виноградиной, для которой такъ удобны не только почва, но и самая холмистость? Что виноградъ можетъ расти здѣсь превосходно, это доказываютъ и существующіе въ ближайшихъ мѣстностяхъ виноградники, съ каждымъ годомъ разрастающіеся и существовавшіе до Крымской войны; на этотъ разъ достаточно припомнить что они тянулись почти сплошною лентой отъ Севастополя до Георгіевскаго монастыря, т.-е. на протяженіи почти двѣнадцати верстъ. Но чѣмъ же лучше была бы виноградина лѣсныхъ породъ? Тѣмъ что не одинъ десятокъ инвалидовъ или ихъ потомковъ нашелъ бы въ ней для себя безбѣдный кусокъ хлѣба. Это вопервыхъ, а вовторыхъ, въ этомъ случаѣ не потребовалось бы постоянныхъ расходовъ на поддержаніе разведенныхъ бульваровъ. А нашлись ли бы охотники развести здѣсь виноградъ? Да и сомнѣнія быть не можетъ, и разговаривавшіе со мною инвалиды заявляли что это была бы поистинѣ награда за вѣрную службу. Вся суть дѣла въ томъ чтобы превращаемыя въ бульвары мѣстности разбить на мелкіе участки и передать въ неотъемлемую собственность съ условіемъ чтобы полученный участокъ былъ засаженъ виноградомъ. Говорили мнѣ что охотники на участки нашлись бы и безо всякаго пособія отъ казны. Но почему бы и не оказать пособія, хотя бы въ половину того во что обойдется превращеніе 4го бастіона и Малахова кургана въ бульвары, а обойдется, слышно, не менѣе какъ въ 50 тысячъ рублей?

Дорогою родною кровью мы прикупаемъ хорошіе лоскутки земли къ нашему царству; но моему старческому убожеству представляется что скуло мы расплачиваемся за эту кровь. Вотъ Карскую область, гдѣ такъ прилично водворить вѣрную русскую грудь, почему бы не раздать участвовавшимъ въ прошлую достославную войну или семействамъ ихъ? Пусть бы эта область была нарѣзана примѣрно на сто-десятинные участки съ передачей ихъ въ полную собственность, какъ подобное было нѣкогда сдѣлано для выходцевъ изъ Нѣмечины, и край сталъ бы заселяться, и то была бы заслуженная награда за воинскую доблесть нашихъ славныхъ воиновъ. Думается мнѣ что еслибы послѣ послѣдняго польскаго бунта конфискованныя земли раздать именно участникамъ въ усмиреніи его, то обрусѣніе края было бы надежнѣе, и усмирителямъ было бы заплачено самою справедливою мздой. Въ *Матеріялахъ для географіи и статистики Херсонской губерніи* А. Шмидта мы читаемъ что нѣкогда одна четверть Очаковской области была раздѣлена служилымъ людямъ:

Сербамъ, Болгарамъ, Черногорцамъ, Венграмъ, Молдаванамъ, Валахамъ, Грекамъ, Армянамъ, Шведамъ, Арнаутамъ, Нѣмцамъ, бѣглымъ нашимъ раскольникамъ обитавшимъ въ Польшѣ и Турціи, и наконецъ отдавали ихъ тѣмъ кто успѣлъ на нихъ поселиться. Этого мало: изъ того же труда г. Шмидта мы узнаемъ что для поселенія въ Очаковской области Сербовъ и другихъ выходцевъ однажды наше начальство выгнало 4.800 малороссійскихъ семействъ которыя должны были оставить этимъ гостямъ свои дома, церкви, колодцы, пруды и т. п. Но что же при этомъ щедромъ дѣлежѣ благодатной области получили тѣ которые лили за нее кровь?..

Пойдемте, благосклонный читатель, туда гдѣ смолкаютъ всѣ человѣческія треволненія,—на братскую усыпальницу нашихъ героевъ-мучениковъ, на Сѣверную сторону, конечно, переправившись туда на любомъ изъ яликовъ которыхъ здѣсь такъ много и которые при вѣтеркѣ какъ ласточки снуютъ по всѣмъ направленіямъ бухты, распустивъ свои косые паруса. Издали это драгоцѣнное для насъ кладбище представляется отраднымъ зеленѣющимъ оазисомъ, отъ котораго трудно оторвать взоръ. Войдемте въ ограду которою обнесено мѣсто покоя воиновъ. Входимъ чрезъ желѣзныя ворота, при которыхъ выстроено довольно помѣстительное зданіе для стражи. Отъ воротъ главная тропа идетъ ко храму по довольно значительному уклону, а отъ этой тропы (впрочемъ, проѣздной) расходятся по различнымъ направленіямъ боковыя тропы. Вотъ и ходите по этимъ тропамъ извивающимся среди дорогихъ могилъ: тамъ плиты, тутъ плиты прикрывающія братскія могилы; а сколько разнообразныхъ памятниковъ, отъ самаго скромнаго до дорогаго или поражающаго своею изящностію; и все это притѣнено разнообразною древесною и кустарною зеленью которая на могилахъ растетъ роскошно. Чистота и порядокъ какихъ только можно желать. Но дальше что? Посѣтите сами, читатель, эту великую усыпальницу, и ваше сердце отвѣтитъ на этотъ вопросъ. То не поле смерти, а поле той русской жизни которая подъ сѣнью православнаго креста вѣками воспитывалась, вѣками возрастала, создала міровое царство и служитъ урокомъ на всѣ грядущіе вѣка его существованія. Мнѣ казалось что подъ этими плитами лежитъ въ безмолвномъ величіи одна могучая грудь, и тихое дыханіе ея несется въ надзвѣздныя пространства къ Тому Кто и жизнь, и дыханіе, и вся. Чудилось мнѣ что самый воздухъ здѣсь растворенъ сладкимъ покоемъ, а среди накло-

нившейся надъ могилами листвы слышится одинъ лепетъ: „Больше сея никто же имать любви, да кто душу свою положитъ за други свои“.

Прощаясь съ великою усыпальницей, гдѣ не печаль давила грудь, а лилось въ нее что-то самое отрадное, теплое, живительное, я не могу не отмѣтить что видъ съ возвышенности гдѣ стоитъ храмъ одинъ изъ очаровательно-величественныхъ: здѣсь шире кругозоръ чѣмъ съ возвышенныхъ точекъ Севастополя. Смотря на окрестности встрѣчаешь отрадное явленіе: зеленѣющіе лѣски, такъ роскошно разрастающіеся на земляхъ морскаго вѣдомства. Но сказывали что на городской землѣ пасутся овечки, которыя и послѣднюю лѣсную поросль уничтожаютъ. Правда ли это, хитроумные Севастопольцы?

Остается еще сказать нѣсколько словъ о строящемся докѣ съ которымъ соединяется возрожденіе нашего Черноморскаго флота. Но что сказать? Видишь громаднѣйшую ямину съ боковыми углубленіями; видишь что на днѣ этой ямины народъ какъ муравьи; говорятъ что тамъ выстилаютъ днище; видишь паровую машину которая цѣлую рѣчку воды гонитъ изъ этой ямины; видишь вагоны нагруженные землей, сами собою, безъ провожатыхъ, движущіеся изъ этой ямины на гору, сваливающіе тамъ свою ношу и тѣмъ же путемъ возвращающіеся. По истинѣ „страннолѣпно, самодвижно и человѣковидно!“ Работа въ яминѣ египетская; но она радуетъ какъ торжество силъ человѣка надъ силами природы и какъ начало возраждающагося нашего боеваго флота. Радость эта усугубляется когда взглянешь на недалеко отсюда стоящій корпусъ броненосца, одѣваемаго въ броню русскими руками и русскими покровами во образѣ стальныхъ плитъ или листовъ. Все это въ высшей степени отрадно; но кое-что и возмущаетъ русское сердце. Слышишь что гранитные камни будутъ доставляться изъ Шотландіи. Кажется, часть ихъ уже лежитъ здѣсь. И это въ краѣ гдѣ цѣлыя горы сложенныя изъ крѣпчайшихъ вулканическихъ породъ! А вотъ что видѣли мои собственныя очи: выгружался съ чужеземнаго судна чужеземный цементъ для дока. Какъ же это такъ когда мы имѣемъ свои, нисколько не уступающіе чужеземнымъ, цементы? Не походитъ ли это на ввозъ къ намъ чужаго угля когда имѣемъ свои богатѣйшія копи?

И. ПАЛИМПСЕСТОВЪ.